

В.Г. Лысенко

Брахман с гроссбухом

(Впервые опубликовано в: «Новое время», 34-35, 2006)

Виктория Лысенко всю жизнь занимается индийской философией. У нее вышел десяток книг, ею написанных и переведенных с санскрита и французского, она доктор философских наук, но все ее труды – не только работа. Она впитала из индийской мудрости один постулат: самосовершенствование подразумевает победу над желаниями. Желание – это замещение недостаточности. Вика (а она моя подруга, поэтому я все о ней знаю) последовательно расправлялась со всем, в том числе с курением и вредными лакомствами, и всякая зависимость кажется ей теперь бессмыслицей и капризом. Силой воли и разума она справилась и с недугами, преследовавшими ее с детства. Воля – это уже западное понятие, противоположное индийской созерцательности. Вике несвойствен русский фатализм и соответственная лексика – «подвернулось», «сложилось», «случилось», «дали», «отняли», она – инкарнация того островка, что соединяет в себе Восток с Западом, пока на российских просторах две культуры взаимоаннигилируются, так что остается от одной – неутолимая алчность, от другой – проклятая неухоженность, столь милая индийскому сердцу. Вика воспринимает Индию «в комплексе», и именно так представила ее читателям «Нового времени».

Татьяна Щербина

Буддийские философы утверждали, что, называя вещь тем или иным именем, мы определяем не ее самое, а только то, что она не является другой вещью. Например, слово «корова» означает не саму корову – животное с горбом и подгрудком (индийские коровы в отличие от наших горбаты), а лишь факт, что это не лошадь. Замечательная буддийская теория подтверждается опытом, который, несомненно, переживал каждый из нас. Мы начинаем понимать, кто мы такие, лишь когда отличаем себя от других. Я ощутила себя русской, лишь побывав во Франции, и человеком европейской, западной цивилизации, лишь оказавшись в Индии. (Чтобы ощутить себя жителем Земли, нужно, вероятно, побывать в космосе.) Впрочем, любые разграничения подобного рода могут оказаться относительными: однажды в Индии, в маленькой гостинице, наблюдая за упитанными английскими парнями, которые прямо в бассейне поглощали пиво литровыми кружками и, разгоряченные выпитым, орали и резвились, как тюлени возле лежбища, я поймала себя на мысли, что в данной ситуации мне ближе индийцы – мы смотрели на этих странных животных одними глазами.

Когда-то Индира Ганди назвала философию самым важным достижением индийской культуры. И действительно, индийская философия – это отдельный мир, в котором можно жить, не испытывая потребности выйти за его пределы. Занятия индийской философией могут породить ощущение проникновения в суть индийской культуры. Однако встреча с реальной Индией легко разрушает эти иллюзии, причем не на уровне интеллектуального понимания (ничего принципиально нового о своей философии по сравнению с текстами она не открывает нам), а именно на уровне непосредственной (а на самом деле – сильно культурно опосредованной) реакции на некоторые стороны обычной индийской жизни. Как историку индийской

философии мне была знакома только одна Индия – Индия мудрости и философского знания, Индия горных вершин. Долгие годы обживая и обследуя эту вершинную Индию, я совершенно сознательно пренебрегала равнинной частью – что может быть общего между чистым воздухом философских рассуждений и смогом перенаселенных равнин! Индийская философия, имеющая дело с абсолютным, приучает смотреть на происходящее на этих «равнинах» как на сферу относительного, преходящего и в конечном счете иллюзорного. Там от избытка биологической массы, от разности потенциалов добра и зла, дхармы и адхармы (добродетели и порока) все бурлит и кипит, умирает и воскресает, цветет и увядает, там вертится вечное колесо сансары – бесконечного круговорота существований. И вот наступил момент, когда жительница «гор» спустилась вниз и оказалась всецело захваченной и очарованной этим безумным потоком – захваченной отчасти и помимо собственной воли, преодолевая сопротивление всего своего существа тому совершенно неожиданному опыту, который заставляет пережить эта «равнинная» Индия. Именно попытке осмысления этого опыта и прежде всего того в Индии, что у человека Запада (ведь Россия по отношению к Индии это Запад) вызывает культурно-обусловленное сопротивление, и посвящены эти совершенно субъективные импрессионистические наброски.

«Люди»

Прекрасно известно, что Индия страдает от перенаселенности. Но одно дело статистика, а другое – как это выглядит и, главное, ощущается – в реальной жизни. Когда моя индийская подруга впервые приехала в Москву, она все время удивлялась: «А где же люди?» Только побывав в Индии, я поняла: толпа в московском метро в час пик – это еще не «люди». «Люди» – это когда, выходя на улицу, ты как нож в масло врезаешься в плотную живую массу, когда не входят и даже не втискиваются в городской автобус, а прилепляются к нему снаружи, свисая гроздьями по бокам или теснясь на крыше, когда груды людских тел лежат по ночам на тротуарах и улицах, а между ними бегают собаки и крысы, когда на всех не хватает ничего – не только денег, работы или еды, но и воды, света, пространства, воздуха, любви, слез, страдания. Миллионы людей живут в Индии в состоянии не просто нищеты и лишений, но вообще за пределами человеческих понятий, а точнее наших, европейских и даже российских представлений о том, что такое «человеческие понятия». У меня перед глазами все еще стоит картинка, которую я случайно, украдкой подсмотрела в приоткрытые ворота, проезжая на моторикше по Старому Дели много лет назад. Огромная серая масса, похожая на мусорную свалку, которая шевелилась и двигалась как живое существо. Я не сразу поняла, в чем дело, а когда поняла, замерла от ужаса – это было скопление совершенно серых человеческих существ в каких-то призрачных обмотках, копошившихся, как насекомые в навозной куче.

Перенаселение – камень на шее индийской экономики, социальной жизни, любых благих начинаний и социальных программ. Экономика на подъеме, на улицах городов появилось множество современных машин местного производства, страна телефонизируется и компьютеризируется, на индийских программистов спрос во всем мире. Но нищая толпа остается самой тяжелой на подъем, сопротивляющейся любым переменам (известно, что именно низшие касты строже всех других придерживаются кастовых запретов и ограничений, их касающихся). Перенаселение – вызов человеческой морали. Чего

стоит человеческая жизнь, если ее так много, что под ее давлением омертвляется все окружающее. Избыток живого создает ощущение удушья, нехватки жизненного пространства.

Двадцатью миллионами человек в год прирастает население этой уже и так перенаселенной страны. Прирастает в основном за счет самых бедных и обездоленных. В среднем классе принято иметь одного-двух детей, во всяком случае, не больше, чем семья сможет обеспечить достойным существованием – дать образование, женить или выдать замуж. Для нищих все как раз наоборот – родители думают не об обеспечении детей, а о том, чтобы дети обеспечивали их самих. Детвору, едва вставшую на ноги, отправляют просить милостыню. До самой старости (если доживают) эти люди проводят на улицах, занимаясь своим «ремеслом» каким-то раз и навсегда выученным способом. Одна старая нищенка, которая годилась мне в бабушки, упорно называла меня «ма» («мамой»), приговаривая плаксивым голосом, что у нее нет ни мамы, ни папы. Так, видимо, она привыкла с детства.

Известно, насколько малоэффективна регуляция рождаемости, особенно если речь идет о демократической стране (а Индия в отличие от Китая страна демократическая). Что же делать? Когда начинаешь рассуждать на эту тему, вступаешь на зыбкую почву, ведь остаться в поле политкорректности – значит просто ничего не сказать и не поставить ни одной проблемы. Возникает острый конфликт между чувствами и разумом, совершенно нормальной человеческой реакцией жалости, сострадания и желания помочь и пониманием бессмысленности и даже опасности обычных форм выражения этих чувств. Нищие, голодные дети. Множество увечных, тянущих к вам обрубки ног и рук, слепые, демонстрирующие вам пустые или воспаленные глазницы. Невыносимое зрелище человеческих страданий! Но что реально может сделать отдельный западный человек, чтобы ответить всем этим толпам несчастных, преследующим его повсюду, и хоть как-то успокоить свою совесть? Тем более что вековая традиция страны – помогать нищим и убогим, зарабатывая себе тем самым религиозную заслугу. Дать пару монет? Понятно, что этим можно только поддержать нищету. Западному человеку можно выжить в Индии лишь при условии некоторой потери чувствительности, анестезии, когда постоянное зрелище нищеты притупляет естественные эмоции сострадания и ужаса.

Однако нищие по профессии или нищие по жизненному выбору (садху – «святые люди», живущие подаянием) – это лишь одна сторона индийской нищеты, которая прежде всего бросается в глаза, поскольку постоянно заявляет о себе и требует к себе внимания. Есть и другая сторона – люди, живущие на улицах, но не обязательно нищие. Это могут быть рабочие, приехавшие в город на заработки и, желая сэкономить на гостинице, устраивающиеся на ночлег прямо на тротуарах (иногда со своими семьями), либо крестьяне, покидающие свои деревни в поисках лучшей жизни. Они не просят милостыни и стараются по мере своих очень ограниченных возможностей поддерживать себя в чистоте и не подчеркивать свое нищее положение.

Разделение труда

Перенаселение – тормоз развития цивилизации еще и в том смысле, что оно никак не стимулирует механизацию труда, особенно самого тяжелого и грязного. Зачем тратить на дорогое оборудование и машины, если можно за гроши нанять

толпу рабочих, которые все сделают? На индийских стройках, как правило, нет ни подъемных кранов, ни экскаваторов – везде копошатся люди (в том числе женщины, переносящие на головах корзины с откопанным грунтом). Там, где на Западе вполне справляется один человек, в Индии могут работать пять, а то и десять. В государственных учреждениях, в которых мне доводилось бывать, есть специальные люди, которые, например, отправляют и получают факсы, другие люди их разносят по адресатам. Никому из служащих не придет в голову заниматься этим самим. Если им нужно отправить факс, они лучше будут сто лет дожидаться специального человека, чем пойдут в соседнюю комнату и сделают это сами. В одном ресторане нас обслуживали пять человек, и каждый выполнял свое маленькое дело: один приносил посуду, другой стоял рядом, готовый сразу же пойти за третьим, который сможет перевести четвертому, о чем мы просим. Было совершенно невозможно добиться, чтобы нам принесли воды. Конечно, такое дробление обязанностей можно объяснить желанием занять хоть какой-то работой как можно большее количество людей. Однако дело не только в этом. Здесь мы сталкиваемся еще и со специфическим индийским явлением, восходящим к корням этой культуры и цивилизации, – чрезвычайно строгим распределением занятий и обязанностей между членами индийского общества в целом и любой мало-мальски цельной социальной группы в частности. То, что человек делает, его профессия, становится его первой натурой. Человеческая личность в некотором роде сводится к профессии, к функции. Профессии передаются из поколения в поколение, и часто именно профессия определяет статус индивида в обществе. Что же касается статуса самой профессии, то он зависит от сложной иерархии «чистого» и «нечистого», лежащей в основании индуистской религии. Есть «нечистые» занятия и профессии, такие, например, как стирка белья (контакт с грязным) или охота, рыбалка (убийство живых существ), занятие погребальными церемониями и т.п. Именно с разделением труда связано традиционное деление индийского общества на варны (сословия) и касты.

Каждый является специалистом в каком-либо деле, считая, что другие занятия его не касаются. Это порой приводит к совершенно абсурдным ситуациям. Об одной из них мне рассказала русская женщина, ответственный работник консульства, долго жившая в Индии. Камнем преткновения оказался абажур, купленный ею на рынке. Она велела своему доби (стиральщику) выстирать его, но он стал категорически отказываться, ссылаясь на то, что стирает лишь белье, а абажур – не белье, а то, что связано с лампой, поэтому он посоветовал ей обратиться к электрику, мотивируя тем, что лампы – дело электрика. Электрик, естественно, возмутился – с какой это стати, ведь он занимается электричеством, а не стиркой. Никто из других слуг тоже не счел это «своим делом». Нашей женщине оставалось пригрозить увольнением. На следующий день абажур был чист. Повар (самые «чистые» повара – брахманы) никогда не станет подметать пол (это дело подметальщика), а подметальщик не будет мыть посуду и т.п. Таксист водит машину, а разбираться в топологии города – не его дело. Профессиональный нищий не будет работать, даже если ему предложат кров и пропитание. Впрочем, никому и в голову не придет предлагать такое нищим. Их полагается кормить бесплатно. При некоторых храмах каждый день распределяется еда. Предложить им за эту похлебку хоть немного убрать мусор возле того же храма было бы неслыханным кощунством.

Нужно ли объяснять, что такая монофункциональность и жесткость разделения труда ни к чему хорошему привести не могут. Народу много, но никто не отвечает за какое-то дело целиком, каждый ковыряется на своем пятачке, считая, что все остальное его не касается. У меня сложилось впечатление, что и топологически люди живут не в целом (городе), а только в отдельной части – своем доме, дворе, части квартала, то есть на жизненном пространстве, ограниченном семьей, родом, кастой. Очень часто они не знают даже собственных улиц, не говоря уже о соседних и тем более о квартале. Площади и улицы индийских городов переполнены огромным количеством на первый (и на второй) взгляд ничем не занятых людей. Каждый раз, когда мы останавливали какого-нибудь прохожего и о чем-то спрашивали, вокруг нас собиралась большая толпа «сочувствующих» и начиналась долгая дискуссия. Каждый направлял нас в какую-то свою сторону. Когда мы в конце концов решались куда-то идти, все шли за нами. По пути наши сопровождающие останавливали других прохожих, и это могло продолжаться довольно долго, пока не находился кто-то, кто действительно знал искомое место.

Мы тоже попадаем в их систему разделения труда, где наша функция – платить, приносить доход. В храмах вам торжественно подносят гроссбух, куда просят записать имя, страну и сумму подношений (чтобы вы раскошелились, вам укажут на суммы предыдущих доноров, но все путеводители предупреждают, что служители храмов частенько приписывают к этим суммам нули). Люди с гроссбухами преследуют вас повсюду, не оставляя своим вниманием ни на минуту (видимо, боятся, что вы сбежите, не заплатив). Меркантильный интерес к западным людям при посещении туристических мест порой настолько назойлив, что начинаешь раздраженно реагировать даже на самые невинные попытки со стороны местных жителей завести знакомства. Кому понравится, когда на него смотрят только как на говорящий кошелек на ножках! Впрочем, во многом это зависит от самих западных людей. Когда приходишь в храм с определенным интересом, то отношение к тебе резко меняется. Найдется ученый брахман, который с удовольствием все объяснит и покажет – и деньги не играют в этом никакой роли.

Хаос и порядок

В Индии хаос и порядок порой неотделимы друг от друга. Вернее, то, что на первый взгляд кажется полным хаосом, через некоторое время начинает открываться как порядок – порядок самоорганизующейся биосистемы: городское движение, городские застройки, и вообще – вся бурлящая городская жизнь. Все происходит как в природе – пустоты тут же заполняются, трупы одних животных дают пищу другим. Дом разрушился, все жильцы уже съехали, но появляются другие жильцы – нищие, садху, собаки. Они селятся в развалинах, развалинах развалин и так до бесконечности, пока не остается просто пустырь, на котором, в свою очередь, появляются похожие на птичьи гнезда или пчелиные соты конурки – одна форма жизни переходит в другую.

Чистое и нечистое

Одна сторона индийской жизни вызывает у человека западной цивилизации особое культурно-чувственное сопротивление. Прекрасный храм, а рядом кучи мусора и грязь. Мужчины, справляющие нужду прямо на глазах у всех. Запахи мочи,

смешанные со сладким дымом воскурений. Индия шокирует нас тем, что все, что в нашей культуре интимно, скрыто, подавлено, в ней выносится наружу, на всеобщее обозрение. Индийцы не стесняются не только испражняться на улицах, но и плевать, рыгать, пукать. Они считают, что все, от чего тело избавляется по своей воле, естественно и не должно подавляться, поскольку это отбросы организма, средоточие нечистоты. Традиционная индийская культура одержима религиозной чистотой – ради нее совершаются многообразные и многочисленные ритуалы омовения и очищения. В том числе и в отношении собственного тела, хотя личная гигиена во многих отношениях отличается от нашей. С некоторой опаской спускалась я в калькуттское метро в час пик. Как-то боязно было оказаться в плотно набитом вагоне. Но страхи мои не оправдались. Несмотря на плотное прилегание со всех сторон человеческих тел, я ни разу за множество поездок не почувствовала запаха пота или грязного белья. В Индии принято регулярно мыться и стирать одежду. Много раз, проезжая утром по Калькутте, я наблюдала такую картину: толпы мужчин собираются возле колонок с водой и тщательно с мылом моются, обливая друг друга водой, резвясь и играя как дети. Женщины, как мне показалось, предпочитают водоемы – естественные или относящиеся к храмам.купаются прямо в одежде. Они достигли невероятной виртуозности в переодевании – на глазах у очень наблюдательных мужчин им удается снять с себя мокрые юбки и сари и надеть все чистое и выглаженное, не засветив ничего интимного.

Что же касается религиозной чистоты, то она может порой иметь мало общего с чистотой в нашем понимании гигиены. Иногда даже вид воды, используемой для омовения, может вызвать оторопь. Грязь, мусор, нечистоты – все, что так бросается нам в глаза, для них находится «вне», экстерриториально, их мозг просто не считывает такую информацию. В собственном теле, алтаре, доме должно быть «чисто», то есть подвергнуто религиозному освящению, а все остальное, находящееся «вовне» – будто и не существует. Даже если это рядом с порогом собственного жилища. Я видела богатые особняки, прямо перед которыми их хозяева сваливали мусор. А что говорить об общественных местах! Моя индийская подруга, прожившая долгое время за границей, рассказывала, как в пещерах Аджанты она плакала от возмущения и стыда за свой народ, когда видела, как люди спокойно бросают бумажки и бутылки.

Внутри и снаружи

Внутренняя жизнь, вынесенная наружу, – это то, что отличает Индию от мусульманских стран. Там за высокими заборами и стенами есть внутренние дворики, где, собственно, вся жизнь и происходит, вдали от посторонних глаз. В Индии частная жизнь выносится на улицу. Едем по Старому Дели. Вот купают старушку, она сидит в большом корыте, обернутая в тряпку, а молодая женщина поливает ее водой из кувшина. Рядом на топчане спит человек, а еще чуть дальше женщина стирает белье. На улице готовят еду, едят, бреются, общаются, занимаются рукоделием и другим ремеслом. А ты, совершенно посторонний человек, можешь за этим наблюдать. В больших городах, где мне приходилось бывать, особенно в Калькутте, у меня часто возникало ощущение, что я нахожусь в советской коммунальной квартире с ее закопченными стенами и длинными коридорами, заставленными хламом разных жильцов, со множеством выключателей у дверей туалета, веревками,

протянутыми на кухне, и сохнувшим на них бельем, играющими ребятишками, мужчинами, забивающими «козла». Все как-то по-своему, по-домашнему. Тротуары (если таковые имеются, а во многих местах они просто отсутствуют как класс) – это и спальни, и гостиные, и туалеты, и ванны и даже кухни – столы, задымленные очаги, хозяйки и особенно хозяева, готовящие на них свои нехитрые яства – рис, печеные пирожки (самосы), дал (бобовый соус). На оградах, отделяющих улицы от тротуаров, сушится белье... Жилплощадью является любое свободное пространство – сквер, мусорная свалка, автомобильная стоянка, сам автомобиль или коляска рикши, крыша, мосты и особенно пространство под ними. И люди, живущие на глазах у всех, ведут себя точно так же, как и жители внутри квартир – они занимаются своими привычными делами: кто-то спит, кто-то мечтает, матери моют и кормят детей, мужчины играют в карты. А ты чувствуешь неловкость, будто заглядываешь в чужие окна.

Однако похоже, что самих жителей улиц эта публичность их существования нисколько не смущает. Напротив, она составляет важную часть их самоощущения. Видя фотокамеру, они не прячутся (в Марокко доходило до абсурда: женщины судорожно закрывали руками лица, уже и так покрытые вуалью), а, напротив, с удовольствием фотографируются. На фотографиях все улыбаются (можете себе представить, как отреагируют на просьбу сфотографироваться наши продавцы на рынках или прохожие на улицах — улыбку приходится с трудом вытаскивать из каких-то глубоких задних карманов, а у индийцев она всегда под рукой). Один дедушка в пригороде Пуны провел меня по всему своему кварталу и просил сфотографировать всех его родственников, друзей и знакомых. И был очень горд тем, что с моей помощью может показать этим людям их изображения на экране цифровой камеры. Никто из них не боялся, что вместе с изображениями я увезу в фотокамере и их души. В Индии телесный облик – это нечто относительное и не очень важное. Тело отражает не душу, а только карму – а чужую карму украсть нельзя. Она у каждого своя.

Контраст между роскошью и нищетой, богатством и красотой исторических памятников, храмов, пейзажей и ужасающим убожеством обычной городской постройки, грязью, обветшалостью большинства зданий так велик, что переживаешь почти шизофреническое состояние, когда одна сторона личности замирает от восторга, а другая содрогается от отвращения. Избыточность – это суть Индии. Всего слишком много – людей, транспорта, храмов, света, солнца, святости, преступности, высокого и низкого, нищеты, богатства, света, тьмы, прекрасного, уродливого. Все зашкаливает, переливается через край. Сладости – сладки до приторности и тошноты, вся остальная пища – либо острая до пожара во рту, либо соленая или кислая до полной потери всех остальных вкусовых ощущений. Но если в пище все вкусы стремятся скорее к экстремальным величинам, то в других аспектах человеческой жизни, как правило, – огромный диапазон, бесконечное разнообразие. Начать с самой Индии. Каждый штат – это отдельная страна со своей историей, культурой и даже языком. Все большие страны и особенно бывшие империи населены разными, порой разноязычными народами, но тем не менее есть в них нечто типичное. Мы говорим «типично русская деревня» или «типично французский город». В Индии нет среднестатистической «типичности», все зависит от места: переезжая из штата в штат, ты будто переезжаешь из страны в страну. Меняется архитектура, уровень жизни, тип людей,

которые тебя окружают, их характер, привычки, язык. Выучил несколько слов на хинди, но в Карнатаке, где говорят на языке каннада, это совершенно бесполезно. Даже в двух соседних штатах часто говорят на разных языках, например в Бенгалии и Ориссе (бенгальский и ория), Махараштре и Карнатаке (маратхи и каннада) и т.д.

Эфемерная красота

Индийский гений создал величайшие шедевры архитектуры, музыки, театра, прикладного искусства. Чего стоят одни сари, которые носят индийские женщины. Я не встречала двух одинаковых, а какое разнообразие цветов, их сочетаний в разного рода ковриках, салфеточках, подушечках. Индийский гений сочетает несочетаемое, отсюда множество лоскутных шедевров (коврики, ткани, батики). Его изобретательность не знает границ. Он летает высоко, ему не до мелочей. Оттого многие гениальные начинания недотягивают до заявленного совершенства. Прекрасный узор наносится на обветшалую ткань, тут и там пятна и оборванные нитки. Очень часто красота этих ярких вещей оказывается эфемерной – после первой же стирки краски линяют, блески осыпаются, золотые нити выпадают (конечно, если вы покупаете вещь в дорогом магазине, то с ней все будет в порядке). Индийский гений работает не только на вечность (прекрасные каменные изваяния, храмовая архитектура), но и на мгновение – ослепить, одарить и исчезнуть! Индийскому гению порой не хватает рутинной усидчивости, чтобы довести дело до конца. Вот тротуар, но почему-то за несколько метров до конца квартала он обязательно обрывается, будто не хватило сил, вдохновения довести дело до конца. И так во всем – внутренняя и внешняя отделка помещений, мебель, разного рода местные изделия отличаются какой-то незавершенностью, состоянием полуфабриката: будто строители, инженеры, столяры, рабочие ушли «перекурить» и забыли вернуться. Создается впечатление, что все это внешнее обустройство для индийцев совершенно не важно – недостойно их времени и усилий. Это пренебрежение бытовыми удобствами, полное отсутствие эстетики обыденной жизни сочетается с мировоззрением традиционного индуизма, в свете которого эта сторона существования является исключительно внешней, второстепенной, иллюзорной.

Неопределенность

Вспоминается афоризм, который приписывают Будде: «Когда дом построен, приходит смерть». Индия будто боится определенности и законченности внешнего бытия, в ней все расплывчато, многогранно, условно, подвижно. В своих внешних проявлениях она постоянно ускользает от нас и от самой себя. В смысле знаков препинания это не точки, а многоточия, вопросительные и восклицательные знаки, скобки и кавычки. Все, что выражает на письме сложный рельеф местности. «Да» и «нет» индийцы передают легким покачиванием головы в разные стороны или кивком вправо – это, конечно «да», но «да» и «нет» порой так сближаются и переходят друг в друга, что разграничить их практически невозможно.

Останавливаешь рикшу, говоришь, куда везти, он вроде показывает, что «да», что знает дорогу и решительно пускается в путь, но, проехав пять минут, начинает спрашивать прохожих и других водителей. Выясняется, что он и понятия не имеет, куда, собственно, ехать, начинаются бесконечные расспросы и выяснения, кружения на месте и

бессмысленные пререкания. 80 процентов из рикш, с которыми мне пришлось иметь дело, вели себя именно так. Но один случай заслуживает отдельного упоминания. Мы с друзьями добирались до места назначения на четырех рикшах. Один согласился ехать за одну цену, но по дороге передумал и увеличил ее вдвое. Взяли другого – у того кончился бензин, третий совсем не знал дорогу (хотя взялся везти). В Калькутте большинство водителей такси вообще не местные и город не знают совершенно. Они приехали из штата Бихар и устроились на работу таксистами. Да, они хорошие водители, но разве этого достаточно, чтобы быть таксистами? Подобные вопросы возникали у меня и по многим другим поводам, но я останавливала себя: а разве в нашей жизни мало абсурдов и несуразностей?

Рикша – это только малая толика индийской неопределенности. Есть такое понятие – «индийское время». Например, когда вам говорят «скоро» или «быстро» и мучают долгим ожиданием. Или вам назначили встречу на какое-то время и приходят через час. Впрочем, есть и приятные исключения – работа железнодорожного транспорта, метро, но не авиаперевозки: рейсы часто задерживаются.

Самая выразительная и яркая индийская неопределенность – это дорожное движение. В общем и целом оно левостороннее (наследие британских колонизаторов), но на самом деле каждый едет туда, куда ему нужно. С нашей западной точки зрения это просто хаос – опасные игры со смертью. Действительно, сидя на рикше и видя, как навстречу несется поток машин, мотоциклов, других рикш или велосипедов, многократно прощаешься с жизнью. Но странным образом, при чрезвычайной интенсивности и непредсказуемости движения, аварий сравнительно немного. За одну поездку на рикше по Старому Дели, по Пуне, Бенаресу или Калькутте я насчитывала не один десяток крайне опасных дорожных ситуаций, но все они в последнюю секунду разрешались благополучно. Не было даже пробок, хотя движение в индийских городах по своей интенсивности может поспорить с европейским. Все дело в разных подходах. Даже в России худо-бедно соблюдают правила, в Индии же бал правит маневр: ездят не по правилам, а по обстановке, и только по обстановке; все маневрируют, лавируют. В книге об истории построения роботов я прочитала интересную вещь: пока роботов учили оценивать обстановку и двигаться, избегая препятствий, их мобильность была невелика, но потом стали использовать другую стратегию – никакого «интеллекта» и оценки ситуации, программировать только на продвижение туда, где есть пустое пространство, и дело пошло. Похоже, индийский дорожный маневр действует примерно так же: ты втискиваешься в пустые промежутки, а когда их нет – останавливаешься. Пешеходы – такие же участники движения, как и машины. Но они, пожалуй, в самом невыгодном положении. На дорогах своя иерархия – выживает сильнейший, велосипеды уступают дорогу мотоциклам и, конечно же, машинам, мотоциклы – машинам, среди машин тоже есть свои табели о рангах. Вместе с тем у велосипедов и мотоциклов свои неоспоримые преимущества – влезут в любую щель. Пешеход же должен понимать, что рискует жизнью больше всех остальных. Но, похоже, сами индийцы так не считают. Меня поражало, насколько беспечно ведут себя именно пешеходы. На одном из самых тяжелых перекрестков Бхубанешвара девушка шла посреди улицы, повернувшись спиной к движению. Похоже, ее совершенно не волновало, кто там едет сзади, была уверена – ее объедут. Другие отчаянно бросались чуть ли не под колеса

автомобиля – хотели расстаться с жизнью или были уверены, что это существование не настолько ценно, чтобы за него цепляться? Однако вся эта иерархия теряет смысл, если на сцену вступает главный персонаж индийских дорог – корова. Священное животное может спокойно улечься посреди самой оживленной улицы, и никто не посмеет его потревожить. Даже если возникает пробка. Коровы – самые спокойные и самодостаточные существа в Индии. Они преисполнены чувства собственной ценности и достоинства, даже когда жуют картонные коробки на мусорных свалках. Им разрешается то, за что других наказывают. «Другие» – это прежде всего люди, но также и собаки – довольно невротичные создания (их частенько гоняют и бьют). Бедным кошкам достается еще больше – их здесь не любят.

В условиях этих дорожных джунглей простого зрения явно недостаточно. У многих машин и мотоциклов из-за близкого контакта и плотности прилегания друг к другу в процессе движения зеркала отсутствуют как класс, поэтому видеть, что происходит сзади, многие водители не могут. Остается слух. Если ты не видишь, то по крайней мере слышишь, что кто-то догоняет тебя сзади и хочет перегнать. Глухому нечего делать на индийских дорогах. Особенно ночью. У большинства велосипедов отсутствуют фары, так что спасает только сигнал. Они в Индии еще разнообразнее, чем сари. Есть даже специальные мелодии для заднего маневра. Поэтому городское движение – это не только грохот, клубы выхлопных газов нулевой очистки, но еще и настоящая какофония клаксонов. Это еще один штрих, дополняющий картину бурной, избыточной, зашкаливающей жизни, которая наваливается на западного человека на улицах индийских городов.

Естественное и искусственное

Я уже говорила, что Индия физиологична. Это выражается и в том, как выглядит в Индии естественно обжитое пространство. Если обживается пустырь, он будет похож на пчелиные соты или птичьи гнезда. Но и современный дом – нормальная коробка с окнами и балконами (в Индии мало развита архитектура массового жилищного строительства), когда его заселяют, постепенно превращается в органический продукт. Все отходы жизнедеятельности – старые вещи, мусор, постиранное белье, ненужная мебель, словом, все, что недостойно оставаться «внутри», выносится наружу и свисает, торчит, выплескивается из всех отверстий. Кроме того, все дома обвиты многочисленными кабелями и проводами, что делает их похожими на странные живые существа с кишками, вываливающимися из чрева. Понятия «наружной» красоты, внешнего вида просто не существует. Пустые пространства в черте города либо превращаются в мусорные свалки, либо заселяются людьми, либо то и другое одновременно. Хибары и конурки вечно к чему-то пристраиваются, примазываются, как уже упомянутые соты или гнезда, – они тоже продукт маневра, приспособления к уже существующему порядку.

Именно этим объясняется отсутствие в Индии понятия удобства. На Западе ценность окружающих нас предметов измеряется в том числе тем, насколько ими удобно пользоваться. В Индии все наоборот: не вещь приспособляется к тебе, а ты к вещи. Никто не будет продумывать дизайн, заботиться о том, чтобы все было функционально и работало. Вещь – лишь полуфабрикат, эскиз, набросок, каждый дорабатывает ее по своему усмотрению. В этом индийцы напоминают нас, нашу действительность из

фильма Юлия Мамина «Фонтан». Вечно сломанная техника, бесконечные подпорки и заплатки, неиссякаемая изобретательность индийских умельцев.

Мужское и женское

Сферы мужского и женского в Индии худо-бедно разделены, но оттого, что это разделение не совпадает с привычным для нас, может сложиться впечатление, что в Индии мужское захватывает территорию женского, а женское – мужского. На самом деле женское ассоциируется в Индии не столько с пассивным (как инь в Китае), сколько с энергетическим, активным началом (Шакти). Оттого гневные ипостаси у богинь встречаются чаще, чем у богов, а мягкость и «женственность» равномерно распределяются среди божественных образов обоого пола. Есть даже андрогины (Ардханаришвара), сочетающие в себе атрибуты бога и богини.

Во многих частях Индии поклоняются лингаму (фаллосу) – как символу бога Шивы, но что не всегда бросается в глаза, так это то, что лингам укоренен в йони (женском половом органе). Так и в реальной жизни женщины в Индии играют гораздо большую роль, чем это может показаться на первый взгляд. Меня поразило то, что в гостиницах, ресторанах, государственных учреждениях подавляющее большинство – мужчины. Мужчины готовят пищу, моют посуду, убирают, водят машины, продают товары на рынках, слоняются по улицам. В уличной толпе их встретишь чаще, чем женщин. Однако в семьях, а индийцы очень семейные люди, авторитет женщины (особенно пожилой) чрезвычайно велик. Не случайно на юге, в традиционной Индии, мало затронутой мусульманским влиянием, больше поклоняются женским божествам – Кали, Дурге, Шакти. Они –утешительницы и защитницы –изображаются в двух видах: спокойном и гневном. Внешность этих богинь в гневном облике разительно контрастирует с нашим привычным идеалом женственности. Кали в ожерелье из человеческих черепов с высунутым языком, с кончика которого стекает кровь, попирает ногами бездыханное тело Шивы. Какая уж тут женственность! Женственны скорее мужские боги – Вишну, Кришна: пухлые, разукрашенные, кокетливо улыбающиеся. Индийские мужчины драпируются в дупаты (палантины), украшают свои пальцы кольцами, носят курты (длинные расшитые рубашки) и в традиционной одежде выглядят очень декоративно. Однако главным украшением индийского пейзажа являются все-таки женщины в своих сари и сальвар-камизах. Прекрасные разноцветные ткани (пятиметровые сари, сохнувшие на солнце) украшают и улицы, и убогие конурки бедняков, скрашивая нищету, делая ее приемлемой для глаза (это называется подсластить горькую пилюлю).

Водораздел между бедными и богатыми во многих отношениях совпадает с водоразделом между толстыми и тонкими. Полнота считается признаком благополучия. Хотя на улицах индийских городов стали появляться плакаты, пропагандирующие разные методы похудения, западная мода на здоровый образ жизни вряд ли имеет много шансов на успех. В результате самыми изящными и стильными женщинами в Индии оказываются беднячки, те, кто носит тяжести на голове, невольно вырабатывая безупречную царственную осанку, кто мало ест и много работает. Они были прекрасны – эти королевы строек и дорожных работ, переносящие с места на место откопанный грунт, эти служанки, выбирающие фрукты на рынке для своих хозяев. Сари сидели на них безупречно, им не надо было задрапировывать отвисшие

животы или расплзшиеся талии, их движения были полны достоинства и грации...

Магнетизм

Почему же, несмотря на все эти трудные для «переваривания» различия, Индия так привлекательна для западного человека? Я спросила одну француженку, явную буржуазку (мы познакомились в ресторане одного «роскошного» по местным понятиям отеля): «Что привлекает вас, не индолога и не поклонника индийских гуру, в Индии?» До этого она рассказала, что приезжает сюда каждый год в течение многих лет, что объездила всю страну и всегда путешествует одна – так легче знакомиться с людьми. Подумав немного, она ответила: «Люди и атмосфера». Ах уж эта знаменитая французская «атмосфера» (в устах Арлетти – героини фильма «Дети райка» Ренуара)! Действительно, ощущение от людей, даже когда их много, какое-то легкое, не давящее. Может, они излучают меньше отрицательной энергии, меньше обиды на весь окружающий мир и меньше зависти и ненависти к тем, кто от них отличается? Прохожие на улицах в основном доброжелательны и неагрессивны. Легко идут на контакт, готовы помочь. Даже те, кто явно хитрит или хочет обмануть, делают это с детской непосредственностью и нисколько не смущаются, если их уличают. Будто предлагают вам сыграть с ними в игру, в которой никто не должен оставаться в проигрыше. Продавцы, после долгих переговоров и уступок о цене понравившейся вам вещи, часто спрашивают: «Вы счастливы?» Им важно, чтобы и вы были довольны. Чувство симпатии и удовлетворенности друг другом должно завершать любую торговую сделку. Личный контакт необходим. Вас обязательно спросят, откуда вы приехали. Поделитесь своими знаниями о вашей стране. Расскажут о себе и о своих родственниках. Разумеется, все это делается и в коммерческих целях, но у вас все равно остается ощущение, что вы не просто приобрели вещь, но еще и завели знакомство. И действительно, в следующий раз вас обязательно узнают и отнесутся как к старому другу.

Отрешенность и включенность

Главный парадокс Индии, как мне кажется, состоит в том, что высокая и отрешенная от всего мудрость, с одной стороны, и этот хаос и безумный круговорот выплескивающейся через край жизни неизменно связаны, друг друга предполагают и друг из друга вытекают. Отрешенность – не роскошь, а вполне естественный жест выживания среди хаоса. Только оказавшись среди плотной массы движущихся человеческих тел, машин, рикш, собак, коров, слонов, крыс, только задыхаясь от выхлопных газов, воскурений, запахов пищи и продуктов жизнедеятельности, только внимая шуму этого бурного потока, начинаешь понимать, что такое майя – иллюзия, мираж. Майя – это когда невозможно различить индивидов, когда все растворено в общем мареве, в великом и грандиозном физиологическом бульоне, когда ощущаешь жизнь во всей ее полноте и избыточности, и именно это создает отчуждение, ощущение нереальности происходящего и полной духовной свободы. Горные вершины – недостижимая высота мудрости – вырастают из равнин, задыхающихся от избытка жизни.

Однако осознанный отказ от суетного мира практиковался в Индии задолго до того, как там появились перенаселенные города. В исторически сложившемся разделении труда аскеты и отшельники были главными носителями не только мудрости и

философии, но прежде всего важнейших религиозных и моральных ценностей. Ни в одной другой религии аскетизм не играл столь важной парадигмальной роли и не принимал такого массового и систематического характера. Основные религиозно-философские направления зародились и развивались именно в среде аскетов, хотя в ходе своей истории и выходили за ее пределы. Аскетами были Махавира, основатель джайнизма, Макхали Госала, основатель адживики, Будда Шакьямуни, основатель буддизма, мудрецы упанишад, а в более поздние времена – многие из авторитетных мыслителей, основателей религиозно-философских школ: Шанкара, Рамануджа, Сурешвара, Мадхусудана Сарасвати. Аскетическое движение возникло как альтернатива жестко иерархизированному социуму с его системой каст. Однако в конечном итоге оба стали частями единой системы, обеспечивающими баланс ее разнонаправленных сил и тем самым ее удивительную жизнеспособность. Если бы нельзя было вырваться из замкнутого пространства кастовой иерархии, то она вряд ли сохранилась бы в течение стольких веков вплоть до нашего времени. Аскет как фигура унификации, символизирующая единство на фоне кастовой сегрегации, продолжает играть роль и в современной Индии. Ганди стал всеиндийским лидером и привел страну к независимости именно в облике традиционного странствующего аскета.

Институт отшельничества и касты, невозмутимое спокойствие и хаотическое бурление жизни – в Индии это нераздельно, как горы и равнины, образующие рельеф ее местности.